

ABSURDITIES IN PEDAGOGICAL TEXTS

ROBOTOVA Alevtina S. – Dr. Sci. (Pedagogy), Prof., Herzen State Pedagogical University of Russia, Russian Federation, St. Petersburg. E-mail: asrobotova@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the language of pedagogical science. As a basic material, the author considers the published dissertation summaries on pedagogy. To attract the attention of the scientific community to this issue, the author has used the word “absurdities”. It conveys the researcher’s negligent attitude to scientific word, so that sometimes text loses its sense. This leads to misunderstanding and creates conceptual barriers, reduces the scientific value of research work.

Keywords: pedagogy, pedagogical knowledge, “absurdities”, dissertation summary, language of pedagogical science, language non-competency

The paper was submitted 30.01.2015.

СТАРАЯ НОВАЯ ДИСЦИПЛИНА

ВЕНЕДИКТОВА Татьяна Дмитриевна – д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой общей теории словесности (теории дискурса и коммуникации) филологического факультета, МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: tvenediktova@mail.ru

Аннотация. В статье представлен обзор выходящего в свет учебного пособия И.Б. Короткиной. Методология и содержание пособия рассматриваются в контексте востребованности академического письма как новой самостоятельной дисциплины, только начинающей зарождаться в России, но уже имеющей свою историю в зарубежном университетском образовании.

Ключевые слова: академическое письмо, университетское образование, научный текст

Преподавание «академического письма» в контексте университетского образования имеет большую традицию, однако сам предмет в нашей школе нов и сегодня начинает развиваться как бы «с нуля». Это парадокс, и исключительно выразительный.

Расширение и интенсификация коммуникативных процессов превратили умение писать, т.е. создавать текст, отвечающий своему жанровому назначению, понятный и убедительный для далекого адресата, в широко востребованный социальный навык. В его отсутствие невозможно формирование критической, ответственной, социально эффективной мысли, немыслима и конкурентоспособность в интеллектуаль-

но емких профессиях. Но доступны ли студентам соответствующие курсы, программы, учебные пособия? Имеются ли подготовленные преподаватели, система обмена опытом? Нет, все это только сейчас разрабатывается и нарабатывается, часто (пока) в порядке отдельных педагогических инициатив, часто (увы) даже не подозревающих друг о друге [1].

Между тем глобализация информационных процессов, академических обменов, издательских практик делает как никогда насущным развитие международного и междисциплинарного диалога между специалистами и педагогами высшей школы, работающими в этой области. Диалог происходит, масштаб его год от года увеличи-

вается¹, вот только российская университетская наука до сих пор представлена в нем крайне слабо, а если точнее и совсем честно, – никак не представлена.

Это не значит, что «у нас ничего нет»: речь идет именно о продуктивной адаптации имеющегося отечественного опыта к новым реалиям – с учетом богатой вариативности, которую демонстрирует опыт международный. Подготовленное И.Б. Короткиной учебное пособие² как раз и предназначено этому содействовать, осуществляя тактичную демаркацию нового поля учебно-научной работы. В России, и здесь трудно не согласиться с автором книги, «понятие “академическое письмо” ... часто смешивается с более привычными, но весьма отличными от него понятиями “исследовательские компетенции”, “методология научной работы”, “дискурс-анализ текста”, “культура речи” или даже просто “русский язык”» (с. 10).

Очень понятен «пионерский» пафос автора пособия: призыв к освобождению от «ложных академических традиций», к генерированию свежего, непредвзятого («с точки зрения логики и здравого смысла») взгляда на предмет, используя чужой опыт как стимул. Последнее – задача сама по себе непростая, ведь для начала самый этот опыт надо предъявить убедительно и доходчиво: не только сформулировать правильные рецепты письма, но и продемонстрировать их в действии.

Книга адресована студентам бакалавриата, еще далеким от «настоящей науки»,

работающим в основном в жанре учебного эссе. При этом убедительно показано, что и студенческое эссе может быть (пожалуй, и должно быть) полноценно аналитическим, «прото-научным» текстом. Вторым своим адресатом автор учебника считает коллег – актуальных и потенциальных преподавателей академического письма. Писать в два адреса трудно, но И.Б. Короткина с этой трудностью достаточно успешно справляется (хотя некоторые издержки у избранного подхода обнаруживаются³).

Богатейший материал – разнообразие существующих англоязычных пособий по академическому письму и освоение посредством письма азов научной методологии (уже признанные классическими книги Арта Янга [3], Джона Бина [4], Стивена Линна [5], Билла Грина [6] и др.) – суммируется в книге грамотно, изобретательно, с толком, чувством и заботой об адресате, к тому же живым языком, с тактичным использованием элементов дидактической игры. Я имею в виду, к примеру, выведение формулы трех “п” – письмо как *процесс*, *продукт* и *практика*, – которые преобразуются потом в «пять п» и даже «семь п» (с. 25–26).

Хорошо продуманная композиция обеспечивает читателю последовательное движение «по спирали», с постоянным возвратом к уже затронутым проблемам и продвижением к их более сложному, объемному видению. Из четырех частей книги первая посвящена общим принципам или характеристикам академического письма,

¹ О деятельности Международного общества по развитию исследований письма (ISAWR – International Society for the Advancement of Writing Research) см. материалы сайта www.isawr.org, а также отчет о его третьем международном конгрессе, прошедшем в Париже в феврале 2014 года [2].

² Короткина И.Б. Академическое письмо: процесс, продукт и практика. Учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2015.

³ Местами возникает довольно явный стилистический разнобой. Интимно-товарищеские интонации, обращения к студенту на равных: «Пока вы не стали учеными или квалифицированными сотрудниками крупных учреждений, самыми близкими для вас читателями и критиками являются другие студенты. У вас есть некие общие знания и интересы, примерно одинаковый опыт и возраст...» (с. 30) и т.д. – соседствуют с рассуждениями, направленными через голову начинающих «писателей» профессионалам-специалистам.

вторая – т.н. «фокусировке» письменного текста (как строить «единое интеллектуальное действие»), третья – правилам внутренней организации текста в целом, четвертая – логике организации его частей вплоть до уровня предложения (т.н. языковой «механике»).

В пособии достигнуто удачное соотношение-равновесие теории и практики, а также абстрактного моделирования и демонстрационных разборов в технике «пристального чтения». Не ограничиваясь ретрансляцией общих тезисов, И.Б. Короткина снова и снова приглашает читателя (в данном случае неважно – студента или педагога-предметника) взглянуть в микроструктуру конкретного предложения и увидеть, как в ней кристаллизуется, структурируется мысль, как приобретает драматизм, обаятельную динамику... или, напротив, вязнет, теряется, обездвиживается, сходит на нет. На множестве конкретных примеров тренируется, оттачивается умение чувствовать логический каркас и «энергетику» развертываемого тезиса – тем самым расширяется пространство риторического маневра, ответственной свободы пишущего.

Огромным достоинством пособия является последовательно реализуемый в нем принцип интерактивности. Разнообразные, хорошо продуманные задания интегрированы в дидактический текст. Для нашей школы не очень-то привычна работа с явно *несовершенными* образцами письма, например, фрагментами из студенческих эссе (куда чаще мы склонны учить, апеллируя к образцовому). В данном случае принят именно такой подход, и реализуется он мастерски⁴. Налицо опора на личный, практический преподавательский опыт, налицо

и завидный педагогический такт, подразумевающий, в частности, «программное» уважение прав обучаемых на индивидуальное суждение, творческое решение, выбор, предпочтение, даже ошибку.

Письмо последовательно осознается как процесс: от зарождения замысла до финального, оформленного продукта, от момента, предшествующего рождению первой фразы (как бороться с недостатком или, вдруг, избытком мыслей? как использовать техники мобилизации себя в режиме т.н. «свободного письма»? как подстеречь момент, когда из почти произвольного набора слов начнут формироваться сначала «кластеры», а потом, постепенно, вызревать мысли? и т.д.), – к дальнейшим фазам и связанным с ними вопросам (как сформулировать основной тезис и где его расположить? как выстроить аргументацию? как обеспечить стройность, целостность, равновесие доводов и фактов? как ссылаться на чужую мысль, не позволяя ей смешиваться с собственной?) вплоть до форм и способов оценки уже готового текста, чужого или собственного.

Текст И.Б. Короткиной написан страстно и пристрастно, и это составляет его обаяние, живое и яркое, хотя временами создает проблемы – буквально «на пустом месте». Я имею в виду хлесткий радикализм отдельных формулировок, настойчивые и нередко огульные противопоставления российской неумелости по части письма – «продвинутым» умениям, которые культивируются в западной университетской среде. Контраст того, как дело обстоит «у нас» и «у них», принимает подчас вид абстрактной черно-белой карикатуры, способной вызвать у читателя неуместный и нежелательный эффект отторжения – вместо того

⁴ Обращает на себя внимание, правда, тот факт, что, когда и если примеры для подражания все же приводятся, – они заимствуются исключительно из работ «англопишущих» ученых. Потому ли, что российская общественная и гуманитарная наука с точки зрения письма представляет собой пустыню? Или потому, что демонстрируемая модель имеет довольно жесткую культурную «привязку»? Очевидно, что сам этот «перекосяк» может восприниматься как симптом большой проблемы, заслуживающей серьезного обсуждения.

эффекта мобилизации, на который книга как раз и рассчитана. К примеру, читаем: «К сожалению, даже очень остроумные российские ученые часто пишут слишком серьезно и сухо. В зарубежной практике тоже далеко не все пишут остроумно, но там это связано не с традицией, а с недостатком опыта и интеллектуальных возможностей у некоторых авторов. У нас же так диктует писать унылая традиция» (с. 182). Не очень понимаю, что именно здесь – с чем и зачем – сравнивается и в чем состоит особенная «унылость», приписываемая самовыражению российских ученых. Может быть, стоило бы продемонстрировать пример научного «остроумия» и/или, напротив, излишней «серьезности», «сухости» – порассуждать о том, в каких ситуациях они уместны и наоборот, при этом обязательно указав на то, что индивидуальные стили, не говоря уже о национальных *культурах* научного письма, отличаются разнообразием. Читаем: «... В плену пространства «ру»... даже такие профессионалы русского языка, как редакторы научных журналов, вынуждены собственными руками принимать к публикации синтаксический бред» (с. 208). Тут надо сказать, что подобные издержки – случаи, когда узкоспециализированный научный (или наукообразный) язык принимает вид «синтаксического бреда», – наблюдаются не только в пространстве «ру», более того, не всегда они говорят исключительно о бездарности, некомпетентности авторов. И здесь тоже за прямолинейной оппозицией спряталась большая, сложная, требующая обсуждения проблема.

Несколько опрометчивым представляется мне и другое обобщенное суждение, которое И.Б. Короткина склонна трактовать как аксиому. Можно ли сегодня говорить о «международной системе» или «международных стандартах» академического письма (с. 7)? С моей точки зрения, едва ли. Бесспорно, есть движение в этом направлении, но оно противоречиво, как почти все

глобализационные процессы. Во Франции, Германии (не будем даже затрагивать не-европейский мир!) имеются свои школы письма, иные, чем в Великобритании и США, плотно укорененные в национальных академических традициях. Традиции эти более ощутимы в социогуманитарной, чем в естественнонаучной области, и они меняются. Но не отменяются. Что бесспорно, так это то, что западноевропейские академические культуры куда активнее, чем наша, вовлечены в систему «трансатлантических» контактов и обменов, умело используют эту вовлеченность как ресурс саморазвития. Но в самой Америке (если брать ее как пример) программы письма отнюдь не подчинены единому стандарту – это область поисков, споров, столкновений разнородных позиций и точек зрения. В частности, определяющей тенденцией последних десятилетий в англо-американской педагогике стал отход от представления о речи (речи вообще и письменной речи в частности) как о прозрачном отражении фактов и идей. Распространение получил прагматический, культурно-конструкционистский подход, сформулированный одним из авторитетных специалистов в этой области Джеймсом Берлиным так: «Обучая письму, мы обучаем некоторой версии реальности, способу упорядочения картины мира – навыку занять в этой картине место, действовать в ее рамках» [8]. Новейшая педагогика побуждает студентов, становящихся интеллектуалов, осознанно отнестись к владению языком в его взаимообусловленности с режимами знания и власти: т.н. «эпистемическая» риторика осознается как необходимый элемент современного профессионализма. Понятно, что учебное пособие – не место для обсуждения такого рода тонкостей и противоречий, но и представлять положение дел «у них», «на Западе» этаким гомогенной идиллией, конечно же, не стоит.

Приведу в этой связи еще один пример упрощенного суждения, коварного имен-

но тем, что за ним прячется от глаз большая, реальная проблема. Спору нет: автор научного текста убеждает «не лозунгами и не призывами, а логикой и последовательностью доказательства». Но трудно согласиться с заявлением, повторяемым И.Б. Короткиной неоднократно и в разных формах, что в научном тексте якобы нет места убеждениям (с. 24) и что при помощи уроков письма можно избежать «идеологических и политических влияний» (с. 9), недопустимых в научной работе. Конечно, нет: хотим мы того или не хотим, идеология и политика невидимо присутствуют в науке – даже естественной, не говоря уж об общественной, – в той мере, в какой она выходит в зону публичности. Другое дело, что ученый может занимать в отношении транслируемых им идеологических посылок безответственно-сервильную позицию или, напротив, – рефлексивную, самокритичную, ответственную. Упомянутый выше «эпистемический» поворот в «западных» программах обучения письму, собственно, и акцентирует это обстоятельство.

Основная идея книги И.Б. Короткиной вызывает живейшее сочувствие. Одну из самых емких ее формулировок мы находим в следующем пассаже: «Текст как публичный продукт должен оттачиваться под нужды публики через общение с публикой, через критику, ответы на вопросы, сотрудничество и совместное обдумывание проблемы» (с. 37). Сказанное относится не только к тексту вообще, но и к тексту рецензируемой книги, притом самым конкрет-

ным образом. Я убеждена, что издание не только найдет внимательного и благодарного читателя, но и сильно выиграет от обратной связи с ним – от сравнения и критики, вопросов, встречных соображений, поправок. Самым главным выигрышем станет, таким образом, импульс к дальнейшему развитию обозначенного подхода, к новым его реализациям. Учебников по любой дисциплине, тем более – становящейся, должно быть много и по возможности разных.

Литература

1. Азов А. Фулбрайтовская международная гуманитарная летняя школа «Академическое письмо: актуальный международный опыт» (Москва, МГУ, 24–28 июня 2013 г.) // Новое литературное обозрение. 2014. № 125.
2. Венедиктова Т.Д. Письмо – глобальная проблема и забота // Высшее образование в России. 2014. № 5. С. 156–157.
3. Young A. Teaching Writing Across the Curriculum. New Jersey: Pearson; Prentice Hall, 2006.
4. Bean J. C. Engaging Ideas. San Francisco: Jossey-Bass, 2011.
5. Lynn S. Rhetoric and Composition. Cambridge: Cambridge UP, 2010.
6. Literacy in 3D: An integrated perspective in theory and practice / B. Green, C. Beavis (Eds.). Camberwell: ACER Press, 2012.
7. Berlin J.A. Contemporary Composition: The Major Pedagogical Theories // College English. 1982. № 44, p. 766.

Статья поступила в редакцию 27.01.2015.

THE OLD NEW DISCIPLINE

VENEDIKTOVA Tatyana D. – PhD, Professor, Head of Discourse and Communication Department, Philological Faculty, Moscow State University, Russia. E-mail: tvenediktova@mail.ru

Abstract. The author presents a review of Irina Korotkina's new book *Academic Writing: Process, product and practice* (Moscow: Urait, 2015). The validity of the book's content and methodology is regarded within the new trends in the Russian education and the emergence of academic writing as a new discipline, although it has a long history in the Western tradition, reflected in the book.

Keywords: academic writing, rhetoric and composition, university education

References

1. Azov A. (2014) [Fulbright International Summer School *Academic Writing: Russian and International Experience* (Moscow, MSU, 24-28 June, 2013). *Novoye literaturnoye obozreniye* [New Literary Review]. No. 125 (1). (In Russ.)
2. Venediktova T.D. (2014) [Writing: Global problem and concern]. *Visshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. No.5, pp. 156-159. (In Russ., abstract in Eng.)
3. Young A. (2006) *Teaching Writing Across the Curriculum*. New Jersey : Pearson; Prentice Hall.
4. Bean J. C. (2011) *Engaging Ideas*. San Francisco: Jossey-Bass.
5. Lynn S. (2010) *Rhetoric and Composition*. Cambridge : Cambridge UP.
6. Green B., Beavis C. (Eds.) (2012) *Literacy in 3D: An integrated perspective in theory and practice*. Camberwell : ACER Press.
7. Berlin J.A. (1982) Contemporary Composition: The Major Pedagogical Theories. *College English*. No. 44, p. 766.

The paper was submitted 27.01.2015.

Пятилетний импакт-фактор
журналов РИНЦ – 2014
(без самоцитирования)

Вопросы экономики	1,484
Социологические исследования	1,161
Вопросы философии	0,996
Образование и наука	0,952
Вопросы образования	0,822
Университетское управление: практика и анализ	0,809
Высшее образование в России	0,788
Открытое образование	0,768
Педагогика	0,712
Образовательные технологии и общество	0,393
Alma mater	0,377
Высшее образование сегодня	0,336
Философские науки	0,235
Интеграция образования	0,229
Социология образования	0,185
Философия образования	0,159